

УДК 340.1

Ю.Н. Беспалый, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии гуманитарных наук Белорусского государственного университета культуры и искусств

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ МЕРА

Исследование проблем сущности и применения правовой ценности человека представляется трудоемкой работой, сравнимой с «домостроительством» человеческой жизни, раскрытием правового устройства общества и существования человека. В проблемном поле необходимо учесть основы устройства общества, проникнуть в глубины сознания человека, особенности философского, исторического и культурного факторов развития мысли и познания. Такое исследование невозможно осуществить без обращения к современным исследованиям права и без учета современных мегатенденций в общественном бытии и нравах. Ведь критерием, по которому *судить будете*, выступает социальная ориентация на достойное человеческое существование. «В этом отношении ее [ориентации на достойное человеческое существование] загадочный статус и жизненно-практическое терминологическое воплощение сходны с представлениями о справедливости в жизни индивида и группы, а также ее некоторыми практическими с деструктивным по отношению к ней устремленностями...» [1, с. 57]. Таким образом, существование как явление невозможно без полезного и справедливого, осуществляется посредством их, их оценки, принятия общезначимости, направлено на их достижение.

В процессе деятельности происходит обращение субъекта права – человека, его правового поведения к ценностям полезного и справедливого. О таком «слиянии» пишет В.Г. Графский: «Самой впечатляющей и самой притягательной в этой формуле является фиксация безоговорочной уверенности в неперменном присутствии в праве желательной полезности и столь же высоко ценимой и неизменной справедливости, которые обеспечиваются в правовом общении неперменным и неискоренимым присутствием такого компонента, как принуждение...» [1, с. 57].

Смысл справедливости остается скрытым, трансцендентным, надисторическим, априорным, воспринимающим эпохи, мегатенденции и просто частные жизненные ситуации. Справедливость включает в себя

некую соразмерность человеческого бытия, но с помощью этой соразмерности невозможно измерить, взвесить, разложить мир вещей, т. е. она не мера вещей, не понимается как математический закон или закон физики, имеющие конкретную формулу, применяемую к конкретной ситуации. Справедливость понимается как нечто действующее во взаимоотношении, как то, что устанавливает равенство, эквивалент, уравнивает, устанавливает меру. В этом также проявляется свойство справедливости как отдельного, «одного», обладающего свойством бытия. Такое свойство справедливости отражено еще во взглядах пифагорейцев, «которые сформулировали весьма важное для последующих естественно-правовых представлений положение о том, что справедливое состоит в воздаянии другому равным... под понятиями „надлежащая мера“ и „соразмерность“ они усмотрели известную пропорцию (числовую по своей природе), т. е. некое приравнивание, словом – равенство» [2, с. 495].

Можно за греками повторить, что справедливость есть «закон законов», закон не конкретный, а который нужно каждый раз выяснять и устанавливать правовое равенство. Такое определение, сохраняющее свою актуальность и по настоящее время, акцентирует внимание на том, что объектом справедливости выступает человек, его жизнедеятельность, его взаимоотношения с другими. В точке применения справедливости к динамике человеческих правоотношений и возникает «напряжение», «загадочный статус», дискретность, необходимость возобновления, становления справедливости каждый раз в каждом конкретном случае. И сам этот процесс, естественно, может осуществляться только посредством мышления, действия мысли, т. е. началом установления справедливости является мысль.

Таким образом, там, где заканчивается понятие справедливости как некоего понятного, зафиксированного, установленного закона, и начинается трудоемкий процесс акта мысли, выяснения «закона законов», искусство отыскания: «как будет по справедливости», «как возможна справедливость». И такая мысль имеет своим предметом бытие человека, измеряет, исследует существование для достижения, расположения справедливости в мире. Отсюда следует, что бытийная структура права представляет собой своеобразный «маршрут» движения человека в определенных – правовых – ситуациях. Под «движением» в данном случае понимается осмысление ситуации. Речь идет о своеобразных ориентирах, ключевых точках движения по ситуации. Данные точки являются несодержательными, поскольку ситуация всякий раз уникальна, не формальными, чисто логическими, но онтологическими ориентирами, которые всякий раз при осмыслении ситуации приходится «проходить» заново [3, с. 5].

В этих точках происходит «понимание», применение сознания. Мыслительная деятельность есть наложение на объект человеческого «примышления» (термин М.К. Мамардашвили), или «мы говорим о мире, а знаем о человеке, – мы накладываем человеческую размерность на мир» [4, с. 185], или «о чем мы в мире видим, о чем мы в мире говорим и что мы в мире видим, имплицировано сознанием» [4, с. 187]. Таким образом, для того чтобы увидеть истинное, так как оно есть, необходимо провести разложение ситуации до мельчайших элементов, увидеть нечто третье, что соединяет сознание и мир. В таком контексте М.К. Мамардашвили вводит необходимость совершения герменевтического исследования (герменевтический круг). При этом исследуется существование и бытие: данный круг, как отмечает М. Хайдеггер, «суть не логическая, но прежде всего онтологическая структура, укорененная в бытии» [3, с. 35].

Мысль, исследующая возможность расположения, применения к той или иной ситуации справедливости, сталкивается с «человеческим», с импликацией сознания, с «миром вещей», «потребительским, неподлинным сознанием». Держанием такой мысли, в необходимости достичь равенства, проходит путь «отсечения» имплицированного, неподлинного, скрывающего, чтобы в конечной цели достичь одного, неразложимого понятия истинного, т. е. справедливого. И такая мысль есть действие, формирующее правовую ситуацию, правовую связь, коммуникацию. Однако возможность такого акта мышления требует усилия, которое необходимо для отказа от импликации своего, принятия Другого. Сложность такого усилия укоренилась в человеческой природе, в природе эгоизма, неспособности принятия Другого, отказа от своего. Я.С. Аверинцев на основе библейского сюжета писал: «Но младший, который ничего не выслужил себе, кроме срама, – ну, пусть бы еще отец его простил на каких-то условиях; но зачем, зачем это прощение – такое праздничное, пиршественное, безгранично щедрое? Что бы ни было, благонравный исполнитель отцовских приказов хотел бы удержать чувство превосходства над кающимся беспутником, которое соответствует понятию „справедливости“. (То же понятие – у других персонажей евангельских притчей, например у фарисея, благодарящего Бога за то, что он, фарисей, не таков, как прочие грешные люди, или у работников, сполна получивших договорную плату, но обиженных тем, что их товарищи, нанятые попозже и работавшие поменьше, из чистой милости получили столько же.) Всем этим „правильным“ людям хотелось бы, чтобы Бог миловал не чересчур великодушно, а в меру, не „переборщив“. Это значит, что в тайне своей души, быть может, не вполне понимая, что делает, каждый из них навязывает Богу свою собственную меру. И каждому из них Бог отвечает: „разве Я

не властен в своем делать, что хочу? Или глаз твой завистлив оттого, что Я добр“ (Мф. 20:15). И еще: „не ваши пути – пути Мои“ (Ис. 55:8).» [5]. Усилием мысли достигается подлинное понимание, которое, в свою очередь, как расположенное в правовой ситуации порождает динамику правоотношения, соответствующую справедливости и равенству в конкретной ситуации. «В этом же ключе в рамках онтологической стратегии правовой герменевтики понимание рассматривается как способ бытия человека в праве и одновременно способ воспроизведения последнего» [6, с. 224].

Можно сказать, что справедливость скрыта от повседневного взгляда, но расположена в бытии человека. Это сокрытость присуща человеческому феномену, Я скрыто за «пучком» «культурно-семиотических кодов, впитанных им из культурной традиции и используемых в качестве интерпретационного инструментария в процедурах трактовки» [7, с. 9]. Но при этом существует неизбежное стремление к достижению справедливости как гарантии достойного существования.

Движение к достойному существованию невозможно без усилия, акта держания мысли, «отсечения» неподлинного. Здесь также проявляется то, что «отсечение» – акт, который «избегается» Я. Поэтому держание, усилие мысли предполагает ее ответственность и перед Другим, и за чистоту «отсечения». Совершая такой акт мысли, достигается то, что Эпикур назвал плодом справедливости: «Величайший плод справедливости – безмятежность» [8].

Таким образом, справедливость предстает ценностью, расположенной в бытии, формирующей правовое общение, а значит «устраивающей жизнь» человека, его деятельность, измеряющей социокультурное пространство, имеющей собственный «культурный (правовой) код».

1. Графский В.Г. О некоторых категориальных проблемах современной теории права (на примере правопонимания В.С. Нерсесянца) // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики : сб. науч. тр. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; под общ. ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. Минск : Акад. МВД, 2017. С. 56–63.

2. Нерсесянц В.С. Философия права : учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2006. 848 с.

3. Стомба А.В. Правовая ситуация как исток бытия права. Харьков : Лисьяк Л.С., 2006. 176 с.

4. Мамардашвили М. Лекции по античной философии. СПб. : Азбука, Азбука – Аттискус, 2018. 304 с. (Азбука-классика.Non Fiction).

5. URL: http://psylib.org.ua/books/_avers02.htm.

6. Сатохина Н.И. Герменевтическая философия права между «истиной» и «методом» // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики : сб. науч. тр. / учреж-

дение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; под общ. ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. Минск: Акад. МВД, 2017. С. 221–225.

7. Можейко М.А. Правовая и нравственная реальность современной культуры: проблематика нормативности и долженствования // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки: сб. науч. тр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол.: А.Л. Савенко (пред.) [и др.]. Минск: Акад. МВД, 2013. С. 5–20.

8. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/aphorism/690/Эпикур>.

УДК 130.31

Ф.И. Гиренко, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ЗАДАЧИ МЫШЛЕНИЯ В ЭПОХУ ДИГИТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МОСКОВСКОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

1. Сегодня многие думают, что наука – это мера мышления. Мы думаем иначе. Наука не мера мышления, а его враг. Ученый сегодня, как правило, ретроград, реакционер. Есть только одна мера мышления – философия. Философия – это не наука.

2. Философия перестала быть любовью у мудрости. В философии мы видим сознательное сумасшествие. Почему сумасшествие? Потому что быть сумасшедшим – это единственный способ в эпоху числовых измерений не быть алгоритмом. Почему сознательное? Для того, чтобы избежать пребывания в доме для сумасшедших.

3. Философия – это не онтология. Это антропология. Это греки думали, что в мире есть сущее и ничего больше, кроме сущего. Они ошибались. Мы исправляем их ошибки. В мире еще есть то, чего нет, но что дано человеку. Эту данность называют разными словами – грезы, видения, кажимости, образы, галлюцинации. Нас не интересует ответ на вопрос «почему есть что-то, а не ничто?». Мы знаем, что в мире есть третья сторона – то, что существует, если мы хотим, чтобы оно было. Мы точно знаем, что человек живет в темном лесу, но этот лес не природа, а внутренний мир человека, его грезы и страсти. Не свет разума может вывести из него, а отчаянная решимость человека, сила его веры.

4. Мы спрашиваем: почему мы спим, когда спим, и мы спим, когда бодрствуем? И отвечаем: мы спим, потому что наш сон – это желание стать выше себя, подняться над собой, над тем в нас, что принадлежит природе.

5. Мы избавились от языка презентаций и репрезентаций. Наша самость – это не представления, а мы сами прямым и непосредственным образом. Ничто не отделяет нас от самих себя. Мы знаем, что органика галлюцинирует, а человек есть существо «спящее наяву». Мы передаем привет Гераклиту и смеемся над Аристотелем и его политическими животными. Нам не по пути с осами и журавлями старика Стагирита.

6. Парменид выкинул человека из понятия бытия и этим определил судьбу европейских народов. Парменид думал, что бытие бытийствует вне связи с тем, что бытийствует человека. И ошибся. Мы исправляем ошибку Парменида. Мы не Европа. Мы знаем, что бытийствует только человек, потому что только человек грезит. Бытие – это не присутствие сущего. Бытие тождественно мысли о бытии только в том случае, если бытие – это галлюцинация, возвышающий нас обман, а не присутствие присутствующего. Мы дарим это открытие Хайдеггеру.

7. Мы знаем, что если бы Парменид мыслил человека, как Гераклит, то самолеты бы сегодня не летали, бомбы не взрывались, технологическое не угрожало бы нам нашим исчезновением. И мы бы жили в своем внутреннем мире, как живут в нем крестьяне и как жили в нем художники палеолита. Человек – мера всех вещей существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют. Этими словами мы передаем привет Протагору.

8. Человек – не часть мира. Человек – это мировая сингулярность. Нет таких законов и таких правил, следуя которым можно прийти к сингулярному событию. Мы знаем, что мы вне мира. Нас нельзя уловить в терминах четырех стихий. В мире мы не у себя дома. В нем мы гости. Грезы – наш мир. Наша ненормальность – ключ к пониманию космических событий.

9. Мы исправляем ошибки философии Декарта и Спинозы. Мы говорим, что человек – это не субстанция и не субъект. Нельзя быть субъектом относительно того, что было до тебя. Нельзя быть субстанцией того, что будет после тебя. То, что было до тебя, не определяет тебя. Быть субъектом сегодня – значит выбирать свое тело, пол, родину, родителей, религию, родственников. Мы считаем, что быть субъектом – значит только одно: решиться на отказ от субъектности.

10. Мы смеемся над нечеловеческой антропологией. Мы не роботы. У нас естественный интеллект. Мы охраняем аффект – последнюю территорию человеческого. Наши упования не на мозг, этот жалкий кусок материи, а на сознание, великую субъективность мира.

11. Нам смешна антропологизация мира. Мы не обезьяны. Между нами и обезьянами стоит одна маленькая вещь – в отличие от них мы сумели подчинить себя своим галлюцинациям. Кто научился это делать, тот может подчинить себя своим целям. Кто не научился это де-